

Научная статья
УДК 81 33
DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-51-66

РИТУАЛЬНОСТЬ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: СЕМИОТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ларионова М. В.*, **Фокина А. Д.**

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация*
*Корреспондирующий автор, e-mail: larionova.m@list.ru

Поступила в редакцию 24.09.2024

Принята к публикации 27.09.2024

Аннотация

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать ритуальность в качестве типологического признака юридического дискурса во взаимосвязи с институциональностью и перформативностью, установить прагмакогнитивный функционал вербальных, невербальных и паравербальных компонентов, регламентированных параметрами юридического дискурса, и оценить их перформативный эффект.

Процедуры и методы. Системность исследования семиотических характеристик юридического дискурса достигается за счёт использования методов дискурсивного, контекстуального, интерпретативного, когнитивного и структурно-семантического анализа. Интегральный методический подход, опирающийся на семиотику, когнитивистику и теорию дискурса, гарантирует корректность исследования вербальных, невербальных, иконических и артефактуальных компонентов юридического дискурса, обеспечивающих ритуальность как его типологическую характеристику.

Результаты. Сформулирован концепт ритуальности как ключевой признак юридического дискурса в его взаимосвязи с иными дискурсивными признаками; установлены компоненты дискурса, обеспечивающие ритуальность юридического дискурса, а также их роль в достижении эффективной коммуникации в профессиональной юридической среде.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование представляет собой анализ ритуальности юридического дискурса с точки зрения семиотики – перспективного направления дискурсивной лингвистики, которое позволяет расширить представление о речевом акте посредством учёта влияния на процесс коммуникации вербальных и невербальных знаковых кодов, а также иных экстралингвистических факторов. С точки зрения прагмакогнитивистики установлен функциональный эффект таких компонентов дискурса, как латинские устойчивые словосочетания и клишированные формулы-обращения; символичные предметы и артефакты, используемые в ходе судебных заседаний; иконические символы, оцениваемые судом в качестве доказательств.

Ключевые слова: артефакты, перформативность, прагмакогнитивистика, ритуальность, семиотика, эмодзи, юридический дискурс

Для цитирования:

Ларионова М. В., Фокина А. Д. Ритуальность как типологическая характеристика юридического дискурса: семиотическое измерение // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 1. С. 51–66. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-51-66>.

Original research article

RITUALITY AS A TYPOLOGICAL CHARACTERISTIC OF LEGAL DISCOURSE: SEMIOTIC DIMENSION

M. Larionova*, A. Fokina

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: larionova.m@list.ru

Received by the editorial office 24.09.2024

Accepted for publication 27.09.2024

Abstract

Aim. To analyse rituality as a typological feature of legal discourse, to reveal its relationship with institutionality and performativity; to establish the pragmacognitive functionality of verbal, non-verbal and paraverbal components regulated by the parameters of legal discourse and to evaluate their performative effect.

Methodology. The methods of discursive, contextual, interpretive, cognitive and structural-semantic analysis are used, which ensure the systematic study of the semiotic characteristics of legal discourse. The integral methodological approach, based on semiotics, cognitive science and discourse theory, ensures the correctness of the study of verbal, non-verbal, iconic and artifactual components of legal discourse, providing rituality as its typological characteristic.

Results. The concept of rituality as a key feature of legal discourse in its interconnection with other discursive features is formulated; discourse components that ensure the rituality of legal discourse are established, as well as their role in ensuring the efficiency of communication in the professional legal environment.

Research implications. The study analyses the rituality of legal discourse from the point of view of semiotics – a promising direction of discourse linguistics, which allows expanding the understanding of the speech act by taking into account the influence of verbal and non-verbal sign codes, as well as other extra-linguistic factors on the communication process. From the point of view of pragmacognitive science, the functional effect of such discourse components as Latin phrases and clichéd formulas, symbolic objects and artifacts used during court hearings, and iconic symbols evaluated by the court as evidence has been established.

Keywords: artifacts, emoji, legal discourse, performativity, pragmacognitive science, rituality, semiotics

For citation:

Larionova, M. V. & Fokina, A. D. (2025). Rituality as a typological characteristic of legal discourse: semiotic dimension. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 1, 51–66. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2025-1-51-66>.

Введение

Юридический дискурс – это коммуникативное пространство профессионального взаимодействия юристов, которое объективируется в различных ситуациях строго регламентированной деятельности, осуществляемой в целях разрешения

профессиональных задач в сфере права. Опираясь на известную дефиницию дискурса, предложенную Н. Д. Арутюновой¹, юридический дискурс следует трактовать

¹ См.: Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.

как профессиональную коммуникацию юристов, «погруженную в жизнь», которая детерминируется юридико-правовой деятельностью.

Юридический дискурс можно рассматривать в двух измерениях – реальном и виртуальном (потенциальном) [1, с. 12–13]. В реальном измерении правовая коммуникация представляет собой профессионально детерминированную дискурсивную деятельность в определённом социальном пространстве, которая подчиняется установленному процессуальному порядку, а в виртуальном – это семиотическое пространство, в котором адресант и адресат взаимодействуют в профессиональной правовой сфере через установленный канал связи [2, с. 163]. Семиотическое пространство включает вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых являются мир права и прецедентные высказывания, различные модели речевых действий, специфических для общения в данной сфере [3, с. 99]. Вербальные и невербальные знаки, таким образом, функционируют в юридическом дискурсе в качестве самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов.

Семиотика в качестве перспективного направления дискурсивной лингвистики расширяет представление о речевом акте посредством учёта влияния на процесс коммуникации вербальных и невербальных знаковых кодов, а также иных экстралингвистических факторов. Прагмакогнитивный подход к изучению дискурса ставит в центр исследовательского внимания речевое действие. Его участниками являются языковые личности – дискурсивные коммуниканты, которые действуют в рамках определённых обстоятельств и условий общения [4, с. 27]. Речевое действие предполагает не только сами высказывания, но и иную дискурсивную прагматику, которая способствует достижению иллюкутивных целей дискурсивных коммуникантов при их взаимодействии.

Так, рассматривая судебное заседание в качестве элемента юридического дискурса, представляется возможным выделить такие его ритуальные признаки, как наличие закреплённого порядка действий, отступление от которого недопустимо (процессуальность); жёстко фиксированные роли и иерархия участников (что выражается, в частности, через обязательные вербальные и невербальные действия, такие как официальные обращения к суду и обязанность всех лиц, присутствующих на судебном заседании, вставать при появлении судей); клишированность речи и использование специализированной, профессиональной терминологии; символическая нагруженность вещей и артефактов (униформа, ритуальные предметы); привязанность к определённому месту (зал судебных заседаний) и др. [5, с. 11–12]. Таким образом, вербальные и поведенческие ритуалы, формулы обращения, жесты и конкретные действия, знаки, вещи и артефакты функционируют как самостоятельные элементы семиотического пространства юридического дискурса в общем и совершаемых в его пространстве речевых действий в частности, которые обеспечивают реализацию ритуальности как имманентной характеристики юридического дискурса.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью углублённого изучения ритуальности юридического дискурса с точки зрения семиотики и прагмакогнитивистики. Это позволяет установить прагматический эффект различных вербальных, невербальных и паравербальных элементов, которые трактуются авторами в качестве отдельных компонентов юридического дискурса, обеспечивающих реализацию ритуальности как его типологической характеристики и обладающих собственным дискурсивным функционалом.

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать ритуальность в качестве типологического признака

юридического дискурса во взаимосвязи с институциональностью и перформативностью, установить прагмакогнитивный функционал вербальных, невербальных и паравербальных компонентов, регламентированных параметрами юридического дискурса, и оценить их перформативный потенциал.

Ритуальность и иные типологические признаки юридического дискурса

Ритуал представляет собой определённую последовательность символически значимых действий, закреплённую традицией [6], и с этой точки зрения ритуальность может рассматриваться как черта, свойственная человеческому поведению в целом и проявляющаяся в той или иной степени в любом типе дискурса. Однако ритуальный дискурс имеет особое значение ввиду того, что реализуется в наиболее значимых для людей ситуациях: в случае юридического дискурса – в ходе защиты своих прав и свобод гражданами и обеспечения интересов государства. Кроме того, интерпретация множества символических действий, совершаемых в рамках ритуальной дискурсивной практики, позволяет идентифицировать ценностные культурные доминанты, формирование которых осуществляется посредством многократного повторения идентичных или однообразных речевых и поведенческих актов в конкретной ситуации регламентированного общения.

Юридический дискурс отличается высокой степенью строгости и обязательности ритуала, что обусловлено его особой целью – соотнести конкретное действие, которое ущемляет интересы государства, общества или конкретного лица, с определённой нормой закона [5, с. 11]. Цель – важнейший элемент в структуре ритуального типа дискурса наряду с его участниками, хронотопом, ценностями, стратегиями, материалом, разновидностями и жанрами, прецедентными текстами и дискурсивными формулами [4, с. 29],

поскольку именно цель обуславливает и предопределяет дискурсивный функционал всех остальных компонентов.

Наиболее полно цель юридического дискурса реализуется в процессе судебного разбирательства, т. е. в момент правоприменения – практического применения правовых норм к конкретным жизненным ситуациям, разрешения юридических споров посредством властной деятельности государственных органов, специально уполномоченных организаций и их должностных лиц¹. Из этого следует, что свойство ритуальности юридического дискурса наиболее полно проявляется в судебном дискурсе – особой разновидности юридического дискурса, и именно ритуальность позволяет обеспечить условия, способствующие эффективному достижению цели его участников.

Ритуальность юридического дискурса глубоко взаимосвязана с его институциональностью, которая предполагает социально-ритуальный характер конвенциональных коммуникативных актов – регламентированных конкретным обществом форм речевого взаимодействия [7, с. 75]. Под обществом следует подразумевать как общество в целом, так и его отдельную и относительно устойчивую группу (например, сообщество юристов). Высокая степень ритуальности институционального дискурса обеспечивает эффективность достижения целей дискурсивных коммуникантов: они заранее осведомлены о правилах, по которым будет происходить тот или иной процесс, и могут заблаговременно планировать и выстраивать взаимодействие внутри юридического дискурса в соответствии с заданными и известными всем участникам моделями поведения. Ритуальность как свойство юридического дискурса во многом коррелирует с принципами правовой определённости и системно-

¹ См.: Теория права и государства: учебное пособие / под ред. А. А. Малиновского. М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 158–159.

сти обязательных требований, содержащихся в нормативно-правовых актах, которые предполагают их ясность, логичность и понятность всем дискурсивным коммуникантам, недопустимость противоречий при их применении и согласованность с целями и принципами законодательного регулирования, а также их системное единство¹.

Протокольность и официальность общения являются признаками перформативного типа дискурса, к которому также относится юридический дискурс. Официальность, в свою очередь, тесно связана с институциональным характером дискурса (актуализация статусно-ролевых отношений участников дискурса), а протокольность предполагает закреплённую последовательность речевых и неречевых актов при совершении коммуникативных действий. Признаки официальности и протокольности совокупно указывают на ритуальность перформативного типа дискурса [8, с. 63–64].

Таким образом, ритуальность, институциональность и перформативность – это взаимосвязанные, взаимообусловленные и взаимно потенцирующие друг друга типологические характеристики юридического дискурса, которые обеспечиваются как вербальными, так и невербальными дискурсивными компонентами.

Ритуалы и материальные артефакты как компоненты юридического дискурса

С точки зрения дискурсологии ритуал – это динамичное коммуникативное образование, которое возникает на базе определённого социально значимого действия и подвергается символическому переосмыслению – ритуализации. Ритуа-

лы выполняют следующие дискурсивные функции: констатирующую, интегрирующую (консолидация участников), мобилизующую (привлечение участников к выполнению определённых действий или к выработке определённого отношения к чему-либо) и фиксирующую (закрепление коммуникативного действия в заданной форме, которая имеет приоритетный для дискурса характер). Именно фиксирующая функция превращает то или иное коммуникативно значимое действие в ритуал [6].

Ритуальность судебного дискурса как разновидности юридического дискурса обеспечивается, в частности, предметными артефактами, используемыми в процессе судебной деятельности.

В лингвокультурологической парадигме под артефактом понимается любой искусственно созданный объект, который может функционировать в различных сферах культурно-семантического поля, отличается полисемией и имеет свойство вариативного проявления в различных культурных средах [9, с. 469–470]. Артефакт как объект культуры имеет собственное значение (код), однако это значение раскрывается исключительно посредством артефактуального действия – активного и избирательного действия, в ходе которого происходит передача накопленного культурного опыта от поколения к поколению, что обеспечивает сохранение и воспроизведение материальной и духовной культуры [10, с. 193].

Экстраполируя предложенный подход к пониманию сущности артефакта на дискурсивную сферу, можно утверждать, что артефактуальное действие в дискурсе есть ритуальное действие, поскольку при осуществлении заранее предусмотренного, зачастую традиционного действия происходит эффективное декодирование смысла, заложенного в конкретном артефакте, который функционирует как невербальный компонент дискурса. Так, в юридическом дискурсе к артефактам от-

¹ См.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 24.09.2022) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». Ст. 7. Правовая определённость и системность [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/95b7bacf7a7228c578178f5b3ec806258af3f9cf (дата обращения: 15.08.2024).

носятся мантии судей, судейский парик, молоток судьи, которые используются в ходе судебного разбирательства – процесса, предусматривающего последовательность ритуальных (в том числе артефактуальных) действий.

В действующем законодательстве России в качестве символа судебной власти наряду с Государственным флагом РФ и изображением Государственного герба РФ указаны мантии, в которые облачаются судьи при осуществлении правосудия¹. Судейская мантия как атрибут судебной ветви государственной власти идентифицирует судью как лицо, осуществляющее правосудие, и свидетельствует о его особом статусе, авторитете перед лицами, присутствующими на заседании. Мантия символизирует отстранённость судьи от эмоций, его беспристрастность при рассмотрении дела, придаёт процессу статус ритуала и торжественность, а чёрный цвет рассматривается как символ сосредоточенности судьи на рассмотрении дела. Мантия дисциплинирует всех участников процесса, включая судью, вызывает почтение, усиливает официальность осуществляемых в рамках судебного заседания действий.

Однако частое ношение данного атрибута судебной власти может приводить к прямо противоположному прагматическому эффекту и провоцировать «синдром чёрной мантии» – чувство отчуждённости и отстранённости от реальности, восприятия собственной незыблемости и авторитетности, непогрешимости и неприкосновенности, которое приводит к пренебрежительному отношению к участникам процесса, недостатку самокритичности, излишней самоуверенности, утрате объективности

и беспристрастности при рассмотрении дела². Среди негативных последствий ношения мантий отмечаются также торможение работы суда ввиду стеснения участников от излишней театрализованности процесса и идеализированное восприятие судей, образ которых не предполагает ошибок и адекватной критики [11, с. 85–86]. Указанные негативные последствия иллюстрируют прагматическое нарушение символического восприятия мантии, которая должна ассоциироваться исключительно с самим ритуальным событием – судебным процессом, а не с личностью судьи, которая вне судебного процесса, вне облачения в мантию перестаёт быть частью юридической дискурсивной семиотики и должна осознавать себя и восприниматься окружающими внедискурсивно.

Судейский молоток с фигурной рукояткой на деревянной подставке не является официальным символом судебной власти в России и используется преимущественно в государствах англосаксонской правовой семьи. Вместе с тем благодаря его использованию в медийной среде, фильмах и телевизионных шоу именно судейский молоток приобрёл устойчивую ассоциативную связь с судебным процессом. Удар судейским молотком по специальной подставке по окончании судебного заседания символизирует его завершение и неоспоримость вынесенного решения. Если удар молотка по специальной подставке происходит в ходе судебного заседания, это означает приказ судьи не нарушать порядок его проведения.

Прагматическая категория перформативности, которая выражается в тождественности слова и действия, приводящей в результате осуществления действия к изменению действительности, в юридическом дискурсе получает не

¹ Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации». Ст. 21. Символы судебной власти [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/d1c095697d409091dbbc32adc5e11c2fd85a7bae/ (дата обращения: 17.08.2024).

² См.: Галятин М. Ю. Судьи в чёрном, или Синдром чёрной мантии // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2024/7/23/sudi_v_chyornom_ili_sindrom_chyornoj_mantii (дата обращения: 20.08.2024).

только вербальную, но и невербальную, экстралингвистическую, реализацию: перформативность эксплицируется через ритуальный акт удара молотком по подставке. Подобное действие, с одной стороны, равнозначно декларативному речевому акту, обладающему свойством перформативности, а именно «Объявляю судебное заседание закрытым», а с другой стороны – директивному речевому акту, вербальным выражением которого может считаться фраза «Приказываю соблюдать порядок в судебном заседании». Таким образом, иллокуция данного ритуального действия детерминируется дискурсивным контекстом его осуществления.

Особый судебный артефакт существует в одном из уникальных ирригационных судов, которые функционируют в Испании с XIII в. В 2009 г. ирригационные суды Испании были признаны наследием ЮНЕСКО в качестве традиционных правовых учреждений для управления водными ресурсами¹. Средиземноморские ирригационные суды Испании – Совет добрых людей Мурсии (исп. *Consejo de Hombres Buenos de Murcia*) и Водный трибунал Валенсии (исп. *Tribunal de las Aguas de la Vega de Valencia*) – действуют на основании ст. 125 Конституции Испании, в соответствии с которой граждане вправе участвовать в отправлении правосудия посредством обычных и традиционных судов (исп. *Tribunales consuetudinarios y tradicionales*)².

В Водном трибунале Валенсии заседания, согласно традиции, проводятся по четвергам в 12:00 в Воротах Апостолов Валенсийского кафедрального собора

Успения Пресвятой Богородицы. Одним из ключевых участников заседаний Водного трибунала Валенсии является судебный пристав (исп. *Aguacil*) – главный стражник (рис. 1), ранее отвечавший за подачу воды и подъём шлюзовых ворот-упоров, который открывает судебное заседание ритуальной фразой «¡*Denunciats de la séquia de Quart!*» – «Ответчики

Рис. 1 / Fig. 1. Судебный пристав Водного трибунала Валенсии (исп. *Aguacil del Tribunal de las Aguas de la Vega de Valencia*) / Bailiff of Water Tribunal of the Vega de Valencia

Источник: Iconografía [Электронный ресурс] // Tribunal de las Aguas de la Vega de Valencia: [сайт]. URL: <https://tribunaldelasaguas.org/es/el-tribunal/iconografia> (дата обращения: 15.09.2024).

¹ Decision of the Intergovernmental Committee: 4.COM 13.70 [Электронный ресурс] // UNESCO: [сайт]. URL: <https://ich.unesco.org/en/decisions/4.COM/13.70> (дата обращения: 01.07.2024).

² Испанская Конституция от 29.12.1978 (в редакции от 17.02.2024). См.: BOE-A-1978-31229 Constitución Española [Электронный ресурс] // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado: [сайт]. URL: [https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/\(1\)/con](https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/(1)/con) (дата обращения: 01.07.2024).

из зоны оросительного канала Quart!»¹. Ритуальное высказывание является перформативным речевым актом и выступает эквивалентом заявления «Объявляю судебное заседание открытым», одновременно означая начало судебного заседания и инициацию процессуального действия – вызова ответчиков.

Судебный пристав держит в качестве знака отличия позолоченный лагунный крюк-гарпун неправильной формы с двумя зубцами, один из которых загнут (рис. 2). Именно этим инструментом поднимали и опускали доски в перегородках оросительных каналов, исполняя решение суда, и хотя в наше время орудие не используется по своему прямому назначению, оно продолжает неукоснительно

Рис. 2 / Fig. 2. Крюк-гарпун (*исп. Gancho*) / Harpoon hook

Источник: Iconografía [Электронный ресурс] // Tribunal de las Aguas de la Vega de Valencia: [сайт]. URL: <https://tribunaldelasaguas.org/es/el-tribunal/iconografia> (дата обращения: 15.09.2024).

служить ритуальным артефактом и невербальным символом обязательности и исполнимости решений Водного трибунала Валенсии².

Латинские выражения – термины и формулы речи как компоненты юридического дискурса

Одним из важнейших вербальных компонентов, выполняющих особую прагматическую функцию в юридическом дискурсе, выступают латинские термины – наследие римского права. Они представляют собой прецедентные элементы истории и теории права, когнитивно необходимые для формирования юридического мышления.

Латинские выражения функционируют как особый компонент понятийного аппарата современного международного права, который в настоящее время продолжает активно использоваться в следующих контекстах юридического дискурса³:

- в текстах международных договоров;
- в процессе установления содержания международных обычаев как источников международного права;
- при формулировании общих принципов права, признанных цивилизованными нациями, которые применяются при разрешении споров между государствами⁴;
- в судебных решениях, которые служат вспомогательным средством для определения правовых норм: в частности, Международный Суд ООН опирается на латинские юридические термины,

² Iconografía [Электронный ресурс] // Tribunal de las Aguas de la Vega de Valencia: [сайт]. URL: <https://tribunaldelasaguas.org/es/el-tribunal/iconografia> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Маршалок Н. В., Ульянова И. Л. Латинские термины в современном международном праве: латинско-русский, русско-латинский словарь. М.: Статут, 2015. С. 5.

⁴ См.: Статут [Электронный ресурс] // Международный Суд Организации Объединённых Наций: [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml#chap2> (дата обращения: 05.07.2024).

¹ Вызов истцов осуществляется по каналам в том порядке, в котором они забирают воду из реки, начиная с канала Кварт (*Quart*) и заканчивая каналом Робелья (*Robella*).

подразумевая, что они не только общеизвестны, но и понимаются всеми единообразно (моносемантически);

– в международном коммерческом арбитраже.

В сфере частного права на латинском языке обозначаются части коллизионных норм, на основании которых определяется право, которое применяется для регулирования конкретных частноправовых отношений, осложнённых иностранным элементом: *lex personalis* – личный закон физического лица, *lex societatis* – личный закон юридических лиц, *lex voluntatis* – право, избранное сторонами, *lex loci delicti commissi* – право места причинения вреда и др.¹. Латинские выражения в качестве терминов активно применяются в сфере торгового права и связанного с ним международного коммерческого арбитража: *pacta sunt servanda* – основной принцип договорного права, в соответствии с которым договоры должны соблюдаться², *lex mercatoria* – концепция, представляющая собой совокупность наднациональных норм и принципов, призванных регулировать отношения в сфере международной торговли³.

Однако латинские слова и выражения функционируют в юридическом дискурсе в качестве не только терминов, но и дискурсивных формул. Несмотря на законодательно закреплённое требование о том, что судопроизводство и делопроизводство в судах РФ ведутся на русском

языке⁴, в решениях российских судов используются высказывания на латыни, сопровождаемые переводом на русский язык. Наиболее часто употребляются краткие и широко известные латинские выражения, например *status quo* (существующее положение вещей), *de jure* (согласно праву), *ad hoc* (для данного случая) и др. Иногда в судебных решениях встречаются целые предложения на латыни, имеющие аналог в русском языке. Так, арбитражные суды и суды общей юрисдикции используют латинские фразы в тех случаях, когда приводят позиции Конституционного Суда РФ и существовавшего до 2014 г. Высшего Арбитражного Суда РФ⁵, например⁶:

– *Lex posterior derogat priori* – «Последующий закон отменяет предыдущий»;

– *Lex specialis derogat generali* – «Специальный закон отменяет общий»;

– *Nullum crimen, nulla poena sine lege* – «Нет преступления, нет наказания без указания на то в законе»;

– *Delegatus non potest delegare* – «Никто не может передоверять полномочия, которые были ему делегированы» и др.

Таким образом, латинские выражения в юридическом дискурсе выполняют функцию экономии когнитивно-языковых средств, представляя собой краткие и в то же время ёмкие высказывания, доступные для понимания всеми коммуникантами юридического дискурса. Во многих сферах права латинские словосо-

¹ См.: Монастырский Ю. Э. Коллизионная норма – цель, структура, виды // Международное частное право: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. С. Н. Лебедева, Е. В. Кабаковой. М.: Статут, 2011. С. 221–225.

² См.: Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. А. С. Комарова. М.: Статут, 2013. С. 10.

³ О трудностях толкования термина *lex mercatoria* см.: Лобода А. И. Теория современного *lex mercatoria* в контексте международного коммерческого арбитража // Современный международный коммерческий арбитраж: учебное пособие / под ред. А. А. Костина. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 191–210.

⁴ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). Ст. 10. Язык судопроизводства и делопроизводства в судах [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834 (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Согласно Закону РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ и внесённым изменениям в Конституцию РФ полномочия Высшего Арбитражного Суда РФ были переданы Верховному Суду РФ.

⁶ Ефименко Е. Латынь в суде: зачем она юристам и судьям // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/212053> (дата обращения: 01.07.2024).

четания являются устоявшимися терминами, и их использование обеспечивает единообразное толкование обозначаемых явлений специалистами, говорящими на разных языках, что имеет первостепенное значение для юридического дискурса. Дискурсивная прагматика фраз на латыни связана с их использованием в качестве фигур речи, обеспечивающих авторитетность утверждений и прецедентность принимаемых судом решений.

Формулы-обращения, ритуальные действия и тексты как компоненты юридического дискурса

Реализуя единство функций общения и познания, юридический дискурс включает в себя коммуникативные структуры, текстовые и метатекстовые элементы, относящиеся к акту общения. В качестве метатекстовых единиц функционируют различные дискурсивные формулы – особые конструкции, устойчивые и легко воспроизводимые единицы, используемые в речевом акте для упрощения коммуникации; типовые реакции, равные одной реплике, которые являются маркерами реакций на определённые вербальные стимулы [12, с. 297]. Примерами дискурсивных ритуальных формул выступают ритуальные реплики, означающие начало и конец судебного заседания («Прошу всех встать! Суд идёт!»), ритуальные обращения («Господин прокурор», «Господа присяжные заседатели»), ритуальные присяги-клятвы свидетелей и т. п.

В ходе судебного разбирательства все его участники реализуют определённый дискурсивно-функциональный статус: защитника, обвинителя, судьи, подсудимого, свидетеля и т. д. Закреплённый статус формально обеспечивается ритуальными действиями и ритуальными клишированными текстами. Отдельные формулы-обращения фиксируются в статьях процессуальных кодексов, содержащих нормы, регулирующие порядок судебного заседания. Так, все участники судебного разбирательства и все лица, присутству-

ющие в зале заседания, обязаны использовать ритуальные обращения: к составу суда – «Уважаемый суд», к судье – «Ваша честь». Ритуальность обеспечивается непреложным требованием того, что участники обязаны стоять при обращении к суду, при даче показаний и объяснений, при формулировании вопросов и ответов иным лицам, а также при заслушивании решения или определения суда по окончании рассмотрения дела (ст. 158 ГПК РФ¹, ст. 154 АПК РФ², ст. 257 УПК РФ³).

Свойствами ритуальности и перформативности обладает текст присяги свидетелей и экспертов, который содержится в регламентах судов. В частности, в Конституционном Суде РФ свидетель, зачитывая текст присяги, обязуется давать только правдивые и полные показания об известных ему лично сведениях и материалах, касающихся рассматриваемого дела; аналогичный текст произносят эксперты, которые тем самым заверяют, что будут исполнять свои обязанности честно и добросовестно, основываясь на своих профессиональных знаниях, руководствуясь ст. 63 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и своим собственным убеждением⁴.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 22.07.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3KZAP7> (дата обращения: 13.08.2024).

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.05.2024, с изм. от 20.06.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800 (дата обращения: 13.08.2024).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 13.08.2024).

⁴ См. § 44–45 в: Регламент Конституционного Суда РФ (ред. от 15.06.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13034 (дата обращения: 18.08.2024).

Категория ритуальности, нацеленная на интеграцию и консолидацию участников судебного дискурса, одновременно связана с сосуществующей категорией чуждости, направленной на их дифференциацию: соблюдение различных ритуальных элементов, с одной стороны, объединяет участников судебного дискурса в рамках конкретного процесса, а с другой стороны – демонстрирует отчуждённость агентов и клиентов дискурса, их нейтральность и отстранённость по отношению к правовым ситуациям, что делает правовую систему закрытой областью профессиональной коммуникации [13, с. 102].

Иконические изображения как компоненты юридического дискурса

Смайлики (графические изображения улыбающегося лица), эмодзи (графические изображения различных человеческих эмоций) и эмодзи (графические изображения любых предметов, явлений или действий) для целей дискурс-анализа могут рассматриваться как паралингвистические феномены общего семиотического порядка [14, с. 282–283]. Использование эмодзи является неким новым ритуалом коммуникативной вежливости, способом имитировать живое общение и выразить эмпатию к адресату. В некоторых случаях иконки-образы имплицитно целое предложение, что позволяет добиться экономии языковых средств, необходимой для обеспечения динамики общения и быстрого достижения коммуникантами дискурсивных целей. Несмотря на то, что содержание универсальных эмодзи и эмодзи понятно каждому человеку вне зависимости от того, на каком языке он говорит, прагматика коммуникативной ситуации может предопределять новые интерпретации и транслировать дополнительные семантические и прагматические смыслы пиктограмм, выходящие за границы изначально заложенного в них семиотического кода [15, с. 1181].

Следует согласиться с позицией Королевской академии испанского языка, которая отмечает допустимость использования эмодзи и эмодзи в неформальном или частном контексте, но считает это неуместным в институциональном или формальном документе¹. Вместе с тем объективная реальность такова, что иконические знаки постепенно завоёвывают пространство не только неформальных, но и официальных коммуникаций: смайлики, эмодзи и эмодзи стали использоваться не только в дружеской, но и в деловой переписке и функционировать в качестве элементов институциональных дискурсивных практик.

Употребление иконических знаков в институциональных дискурсивных контекстах нередко приводит к возникновению споров, основной причиной которых является имманентный потенциал полисемичности (в том числе эмотивности, или оценочной модальности) и перформативности как двух взаимосвязанных и взаимозависимых свойств подобных знаков. Примерами служат прецеденты трактовки смайликов, эмодзи и эмодзи как паравербальных знаков при их использовании в юридическом дискурсе для обоснования доводов сторон в суде.

Иконический образ поднятого вверх пальца, так называемый «лайк», иллюстрирует потенциал перформативности эмодзи, который в юридическом дискурсе может быть приравнен к различным речевым актам, при этом его толкование варьируется в зависимости от контекста. Так, «лайк», поставленный в переписке в мессенджере WhatsApp под условиями договора, был истолкован судом как акцепт оферты². В соответствии

¹ ¿Es correcto el uso de los emojis y emoticonos? [Электронный ресурс] // Real Academia Española: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3KZB9X> (дата обращения: 01.07.2024).

² Юридический эмодзи: арбитражные суды признали лайк акцептом при согласовании условий договора // Гарант.РУ. URL: <https://www.garant.ru/news/1647367> (дата обращения: 19.08.2024).

со ст. 438 ГК РФ¹ акцептом признаётся ответ лица, которому адресована оферта, о её принятии, однако в законе не указана форма, в которой должен быть направлен ответ акцептанта адресанту оферты. Единственное требование закона к акцепту – это его полнота и безоговорочность, и эти признаки акцепта с учётом деловой практики сторон суд фактически признал за актом использования «лайка». Подобное толкование эмодзи и эмотиконов имеет ещё одно юридическое обоснование: сделка, которая может быть совершена в устной вербальной форме, считается заключённой и в том случае, если из поведения лица явствует воля совершить сделку (п. 2 ст. 158 ГК РФ). В этом смысле использование эмотикона трактуется как конклюдентное действие, посредством которого обнаруживается намерение лица вступить в сделку (по аналогии с тем действием, которое совершает лицо, опуская деньги в автомат, изъявляя тем самым свою волю на покупку соответствующего товара²). Следовательно, эмотикон «лайк» в рассматриваемом судебном решении приравнивается к вербальному речевому акту, обладающему классическими признаками перформативности: «Я заключаю договор, соглашаясь полностью и безоговорочно на указанные оферентом условия».

Эмотиконы и эмодзи, используемые в мессенджерах в контексте деловой переписки, могут трактоваться в качестве доказательства в уголовном и административном процессе. Так, «лайк», поставленный под публикацией экстремистского характера, если уведомление о поставленном «лайке» автоматически направляется иным лицам, является осно-

ванием для привлечения к ответственности, причём доказать отсутствие умысла лица оказывается затруднительным³.

Помимо стандартных смайликов и эмотиконов, которые представляют собой изображения различных эмоций, эмодзи функционируют как иконические образы различных артефактов, транслирующих заложенные в них символичные смыслы. Так, использование иконки денежного мешка в сообщении в контексте обсуждения встречи с должностным лицом стало доказательством по делу о даче взятки⁴.

При декодировании исходного семантического кода в процессе интерпретации эмодзи учитывается не столько его предметное, денотативное, сколько символическое, коннотативное, значение: эмотиконы в виде ножа, пистолета, бомбы, черепа, гроба и т. п. могут выражать угрозу, выступая в качестве иконических эквивалентов вербальных формул всевозможных перлокутивных речевых актов.

Особенно остро вопрос установления смысла эмотиконов и эмодзи или их комбинаций в качестве доказательства виновности лица стоит при расследовании преступлений против личности (против жизни и здоровья), против свободы, чести и достоинства личности, против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Так, в Перу был запущен проект *#BloqueaElAcoso* – #ОстановиДомогательство. В ходе его реализации разработали перечень символов, которые могут быть квалифицированы как совершение домогательств в сети. В список вошли не только очевидные иконки (язык, губы, огонь, отпечаток губной

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 17.08.2024).

² См.: В. С. Ем. Форма сделок // Гражданское право: учебник. Т. I: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 403.

³ Аршинова В. Эмодзи как доказательство. Может ли графический символ выступать в качестве доказательства в арбитражном и гражданском процессах? [Электронный ресурс] // Адвокатская газета: [сайт]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/emodzi-kak-dokazatelstvo> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴ Царёв Е. Смайллки в судебной практике // *vc.ru*. URL: <https://vc.ru/legal/872025-smailiki-v-sudebnoipraktike> (дата обращения: 20.08.2024).

помады), но и ряд эмодзи, изображающих различные овощи, фрукты, сладости и др., коннотативные значения которых негативно маркированы в указанном семантическом поле¹.

Среди факторов, затрудняющих использование и исследование эмодзи в качестве доказательств в судебном процессе, отметим следующие:

– отсутствие единой практики толкования эмодзи и невозможность разработки универсального «словаря» эмотиконов;

– отсутствие специалистов, компетентных в толковании эмодзи, и неэффективность экспертизы;

– необходимость анализа контекста, сложившейся практики переписки и личных характеристик коммуникантов (их социального положения, взаимоотношений и др.) в каждом конкретном случае;

– неподготовленность судей ввиду их недостаточной осведомлённости в области интернет-культуры;

– несовпадения в отображении эмотиконов в разных кодовых системах: например, на одних устройствах и платформах эмодзи «пистолет» изображается в виде игрушечного водяного пистолета, а на других – в виде боевого оружия, в связи с чем следует учитывать разницу отображения эмодзи на устройствах отправителя и получателя [16];

– возможные культурные различия в толковании смайликов;

– ситуативное отсутствие смысловой нагрузки эмотикона².

Особой проблемой, возникающей при проведении судебной лингвистической экспертизы, является трудность

установления семантики окказиональных (не конвенциональных) эмотиконов, скрытый смысл или символическое значение которых пытаются определить на основании контекста и коммуникативной ситуации создания поликодового сообщения, однако и в этих случаях эксперты зачастую констатируют допустимость множества интерпретаций [17, с. 47–48].

Заключение

Ритуальность – имманентное свойство юридического дискурса, которое наиболее полно проявляется на этапе правоприменения в судебном дискурсе. Судебный процесс отличается особой формализованностью в части процедуры рассмотрения дела: каждое ритуальное действие и использование символических предметов обладают собственной семантической и прагматической нагрузкой, которая детерминирует их дискурсивную эффективность.

Ритуальность как типологический признак юридического дискурса объективируется посредством использования различных видов дискурсивных компонентов: вербальных, невербальных (материальных и процедурных) и паравербальных (иконических).

К вербальным компонентам юридического дискурса, среди прочих, относятся латинские слова, словосочетания и предложения. Латинь как языковая система утратила функцию языка общения и не используется в бытовой коммуникации, однако латинские выражения продолжают выполнять репрезентативную функцию языковых знаков в пространстве профессионального дискурса (прежде всего академического, научного, медицинского и юридического). Участникам юридического дискурса они позволяют приобщиться к истокам права, проявить научный кругозор, сделать речь более выразительной и убедительной, а при использовании в тексте судебных решений обеспечивают авторитетность и прецедентность утверждения: цитата на

¹ Subirana Abanto K. Acoso virtual: cuando los emojis sobrepasan los límites y pierden la inocencia [Электронный ресурс] // El Comercio: [сайт]. URL: <https://elcomercio.pe/somos/acoso-virtual-cuando-los-emojis-sobrepasan-los-limites-y-pierden-la-inocencia-internet-noticia> (дата обращения: 20.08.2024).

² Яшина В. Эмодзи в суде: плюсы, минусы и примеры из практики // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/242042/> (дата обращения: 01.07.2024).

латыни воспринимается как незыблемый постулат, существующий испокон веков, как юридическая аксиома, не требующая доказательств.

Судейский молоток, судейская мантия, парик, крюк-гарпун (в историческом суде Валенсии) – символные артефакты судебного дискурса, способствующие реализации признака ритуальности посредством их традиционного использования в судебном процессе. Указанные материальные объекты, функционирующие в стандартизированных артефактуальных (ритуальных) действиях, а также ряд строго установленных процессуальных действий, формул обращений, при-

сяг обеспечивают институциональность дискурса и направлены на поддержание авторитета судебной власти, обеспечение устойчивости процессуального порядка.

Некоторые иконические знаки, используемые в мессенджерах, могут обладать собственным семиотическим кодом в юридическом дискурсе при их рассмотрении судом в качестве доказательств. Эмотиконы и эмодзи, эквивалентные перформативным речевым актам или намерению лица совершить противоправное действие, являются паравербальными компонентами судебного дискурса и обладают собственной прагмакогнитивной и функциональной нагрузкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 328 с.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
3. Храмцова Н. Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2010. 396 с.
4. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000. С. 25–33.
5. Извекова М. Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.
6. Карасик В. И. Ритуальный дискурс // Жанры речи. 2002. № 3. С. 157–171.
7. Храмцова Н. Г. Дискурсивно-правовой анализ: от теории к практике применения. Курган: Курганского государственного университета, 2012. 180 с.
8. Сахарова Е. Е. Ритуальность как признак перформативного дискурса // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 63–65.
9. Ежова Е. Н. Артефакты культуры как источник интертекстуальности креолизованного рекламного дискурса // Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа: материалы VI международной научной конференции (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2022 г.). СПб.: Медиа-папир, 2022. С. 469–473.
10. Николаев А. И. Философский анализ роли артефакта в культуре // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. № 3. С. 187–196.
11. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.
12. Жукова С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка *как хочешь, как знаешь* в диахроническом аспекте // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2019. Т. 3. № 15. С. 295–319. DOI: 10.30842/alp2306573715312.
13. Богомазова В. В. Ритуальность как способ реализации категории чуждости в судебном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 3 (22). С. 100–104. DOI: 10.15688/jvolsu2.2014.3.12.
14. Ларионова М. В. Лингвосомиотика испанского политического дискурса в пространстве интернет-коммуникации: дис. ... докт. филол. наук. М., 2022. 458 с.
15. Ларионова М. В., Демкина А. В. Семиотика эмотиконов и эмодзи в дискурсивном пространстве испанской политической интернет-коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1178–1200. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1178-1200.

16. Будылин С. Л. «Большой палец вверх» – акцепт или оскорбление? Эмодзи, семиотика и право // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 8. С. 68–97. DOI: 10.37239/2500-2643-2023-18-8-68-97.
17. Галышина Е. И. Семиотика эмодзи и анимационных картинок в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 2 (90). С. 41–48. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.90.2.041-048.

REFERENCES

1. Sheigal, E. I. (2004). *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnozis publ. (in Russ.).
2. Lotman, Yu. M. (1996). *Inside the Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History*. Moscow: Yazyki russkoy kultury publ. (in Russ.).
3. Khramtsova, N. G. (2010). *Theory of legal discourse: basic ideas, problems, patterns*. Kurgan: Kurgan State University publ. (in Russ.).
4. Karasik, V. I. (2000). The structure of institutional discourse. In: *Problems of speech communication*. Saratov: Saratov University publ., pp. 25–33 (in Russ.).
5. Izvekova, M. G. (2006). *Pragmalinguistic characteristics of ritual discourse* [dissertation]. Volgograd (in Russ.).
6. Karasik, V. I. (2002). Ritual discourse. In: *Speech Genres*, 3, 157–171 (in Russ.).
7. Khramtsova, N. G. (2012). *Discourse and legal analysis: from theory to practical application*. Kurgan: Kurgan State University publ. (in Russ.).
8. Sakharova, Ye. Ye. (2019). Rituality as a sign of performative discourse. In: *Bulletin of Kurgan State University*, 2019, 1 (52), 63–65 (in Russ.).
9. Ezhova, E. N. (2022). Artifacts of culture as a source of intertextuality in creolized advertising discourse. In: *Media linguistics. Language in the coordinates of mass media: Proceedings of the VI international scientific conference (St. Petersburg, June 30 – July 2, 2022)*. St. Petersburg: Mediapapir publ., pp. 469–473 (in Russ.).
10. Nikolaev, A. I. (2011). Philosophical analysis of the role of the artifact in the culture. In: *Pushkin Leningrad State University Journal*, 3, 187–196 (in Russ.).
11. Dubrovskaya, T. V. (2010). *Judicial discourse: speech behavior of a judge (based on the Russian and English languages)*. Moscow: Academy of MNEPU publ. (in Russ.).
12. Zhukova, S. Yu. (2019). Discourse formulae *kak hochesh* and *kak znaesh* in the diachronic aspect. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 3 (15), 295–319. DOI: 10.30842/alp2306573715312 (in Russ.).
13. Bogomazova, V. V. (2014). Rituality as a way of actualizing the category of otherness within the judicial discourse. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 3 (22), 100–104. DOI: 10.15688/jvolsu2.2014.3.12 (in Russ.).
14. Larionova, M. V. (2022). *Semio-linguistics of Spanish political discourse in the space of Internet communication* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
15. Larionova, M. V. & Demkina, A. V. (2023). Semiotics of Emoticons and Emoji in the Discursive Space of Spanish Political Internet Communication. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14 (4), 1178–1200. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1178-1200 (in Russ.).
16. Budylin, S. L. (2023). ‘Thumbs up’ – acceptance or insult? Emoji, semiotics and law. In: *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 8, 68–97. DOI: 10.37239/2500-2643-2023-18-8-68-97 (in Russ.).
17. Galyashina, E. I. (2022). The semiotics of emoticons and animated pictures in the aspect of forensic linguistic expertise. In: *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2 (90), 41–48. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.90.2.041-048 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ларионова Марина Владимировна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
<https://orcid.org/0000-0001-6466-7363>; e-mail: larionova.m@list.ru

Фокина Александра Дмитриевна (г. Москва) – преподаватель кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
<https://orcid.org/0000-0002-2731-8612>; e-mail: alexandra-fokina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Larionova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
<https://orcid.org/0000-0001-6466-7363>; e-mail: larionova.m@list.ru

Aleksandra D. Fokina (Moscow) – Lecturer, Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
<https://orcid.org/0000-0002-2731-8612>; e-mail: alexandra-fokina@mail.ru